

● А. И. Корчажникову — 60 лет

ЖИВЫЕ ОБРАЗЫ

Нам недавно посоветовали с телеэкрана, причем в стихах, экспромтом: поменьше говорить о пролитом актерском поте на бесчисленных репетициях, об усталости и подвижничестве, а подумать лишний раз о том, во имя чего трудится актер, чем живет, о той истине, которую ищет в искусстве. Говорилось это на заключительном вечере областного смотра работ театральной молодежи — ее главный труд и самые напряженные поиски еще впереди. Но последуем совету и тем более не станем пересчитывать трудовых усилий пожилого актера, создавшего за тридцать лет творческой деятельности множество сценических героев и персонажей, крупных и второстепенных, различной глубины и достоверности, удавшихся и не очень, в самой разной степени ставших его биографией. Главное — цель актерского поиска, именно она придает смысла творчеству, с ней любящая крупная неудача останется не более как частным случаем. Все сказанное непосредственно

относится к заслуженному артисту РСФСР Александру Ивановичу Корчажникову. С крутой датой связывают обычно подведение итогов. А хотелось бы говорить собственно о творчестве, о его движении. Самой значительной, запомнившейся артисту из его первых ролей был Шурка Зайцев в «Старых друзьях» Л. Малюгина. Произошло это в 1946 году, вскоре после ухода с завода им. Свердлова, где А. Корчажников проработал всю войну, и окончания театральной студии. О спектакле писал тогда журнал «Театр», заметили и роль Шурки Зайцева. Вся дальнейшая жизнь артиста — на пермской сцене, на глазах у зрителей. Мы намеренно не называем число зрительских поколений за тридцать лет: легко ошибиться, так много людей прошло через небольшой зал нашей областной драмы. Были, конечно, поиски себя, своего основного плана, своего типа героя. Как, вероятно, у всех. Играл Треплева в «Чайке» (постановка середины 50-х годов),

Допухова в «Что делать?» по роману Чернышевского, Лаврухина в прежней постановке «Годы странствий». Много играл в комедиях. Были и характерные роли, скажем, китаец Син Бин-у из «Бронепоезда 14-69».

Бытовало представление о Корчажникове как об исполнителе по преимуществу «функциональных» ролей положительных парторгов и других руководителей, наделенных чертами в общем-то жизненными, но слишком примелькавшимися, чтобы стать интересными. Александр Иванович определяет их иначе: социальные герои. Может быть, точнее назовем их социально активными героями. В беседе он не скрывает, что драматургический материал зачастую оказывался не очень богатый, и героев приходилось как бы наполнять жизнью, опираясь на собственное знание людей этого плана, на частые встречи с ними. Случалось и спасать драматургический образ на сцене, если он слаб, но, конечно, не безнадежен. А в общем, не было дежурного ампула, было сосредоточенное, пристальное внимание к социально значительному человеческому типу и характеру, нередко заложенному, но не выявленному. Это сказало позднее, в лучших работах последних лет — образах современных руководителей промышленного производства — инженере Стрепетове в телефильме «Без конца» и гене-

вом. Корчажников на собственной многолетней практике знает, что такое большой современный завод. И не в том только дело, что он сам, как принято говорить, от станка. Это человек, привыкший видеть, чем и как живет производство, какие государственные проблемы в нем рождаются и как сложно преломляются они в жизни большого коллектива. Человек, способный мыслить государственно, перспективно, творчески, — понятен, близок и очень живо интересен артисту.

Своего Волошина он считает едва ли не главной работой в ряду подобных образов, сыгранных за много лет. В фигуру директора автозавода из пьесы-репортажа оказалось вложено так много важного, лично близкого Александру Корчажникову, что желание раскрыть образ до конца, глубоко домыслить его стало душевной потребностью. Тут мало сказать о согласии артиста со своим героем. По характеру пьесы-репортажа Волошин высказывает много программных положений — о выстраданном праве на правду, о культуре производства как потребности прогресса и личности, о разумной расстановке людей в трудовом процессе как одном из залогов человеческого достоинства. И появилось сильное желание высказать все это не только от лица Волошина, но и от себя лично. Потому что многое родственное размышлениям шатровского героя постепенно назрело у артиста, как и у сотен его зрителей-собеседников. Обо всем, что связано с производством, заводом, рабочим трудом и бытом, Корчажников привык думать всегда очень серьезно как о насущной основе жизни. И потому для него было бы противостественно играть приблизительную, внешнюю причастность к этой глубокой проблематике.

Трудновато, кажется, перейти от таких образов к оригинальной, в свое время неожиданной удаче — Расплюеву из «Свадьбы Кречинского». О нем написано уже многое. Да, это общее открытие артиста Корчажникова и главного режиссера Бобылева. Хочется только подчеркнуть, что созданный более трех лет назад образ в спектакле продолжает жить и оттачиваться, он выдержал проверку временем. В своем роде стал таким образом, направляющим зрительское размышление вглубь, вагнеровский Афанасий из «Прошлым летом в Чулымске», герой, на первый взгляд биографически бесперспективный, но вынашивающий в душе мысль, как жить дальше, каким быть. Самая новая, самая свежая работа. По ней чувствуешь, как продолжается процесс актерского познания человеческого образа, пришедшего из талантливого произведения драматургии. Таким видится сегодня главное в творчестве зрелого художника — Александра Ивановича Корчажникова.

В. ВОЛОВИНСКИЙ.